

РУССКИЕ КОНЦЕПТЫ *СУДЬБА* И *ДУША* НА ФОНЕ КИТАЙСКОГО

Языковая картина мира – это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отражённая в языке совокупность представлений о мире, определённый способ концептуализации действительности.

Считается, что лучший способ к описанию и определению природы концепта даёт язык. При этом одни ученые считают, что в качестве простейших концептов следует рассматривать концепты, представленные одним словом, а в качестве более сложных – те, которые представлены словосочетаниями и предложениями. Другие усматривают простейшие концепты в семантических признаках или маркерах, обнаруженных в ходе анализа лексики. Третьи полагают, что анализ лексических систем языков может привести к обнаружению небольшого числа "примитивов", комбинацией которых можно описать весь словарный состав языка. К последним принадлежит и А. Вежбицкая, автор книги "Язык. Культура. Познание". А. Вежбицкая считает, что концепты *душа*, *судьба*, *тоска* являются одними из наиболее типичных для русского языка. На протяжении многих лет они изучаются в лингвистической науке, в том числе и в Беларуси. В частности, С.М. Прохорова обратилась к сопоставлению этих концептов в русской и белорусской наивной картине мира. Сопоставив русские и белорусские фразеологизмы, С.М. Прохорова пришла к выводу, что в таких близкородственных языках, как русский и белорусский, существует большой пласт общих фразеологизмов с компонентом *душа*, где различия не очень значительны, но все же отмечены исследователем: в белорусском языке словарями зафиксировано большее количество фразеологизмов с этим компонентом, а в одном из фразеологизмов русскому *душа* в белорусском соответствует *дух*. Исследователь пришла также к выводу, что русская *тоска* не нашла соответствий в белорусской фразеологии, а следовательно, она действительно является типичным русским культурным концептом. Концепт *судьба* имеет много национальных различий.

Опираясь на методики С.М. Прохоровой, мы провели исследование русских и китайских концептов *судьба* и *душа*.

Концепт *душа*, по мнению А. Вежбицкой, является наряду с концептами *судьба* и *тоска* одним из основных концептов русской культуры.

По мнению исследователей, в Китае представления о душе окончательно сформировались при династии Чжоу. Эти представления были одной из базовых идеологий культа предков. Согласно им, человек есть сочетание "небесной" субстанции, заключённой в душе *хунь*, и "земной" субстанции, заключённой в душе *по*. Таким образом, одному языковому знаку *душа* в русском языке соответствуют два в китайском 魂 и 魄. Предполагалось, что *по-魄* возникает в момент зачатия, а *хунь-魂* – при рождении; гармоническое

же сочетание этих субстанций нарушается в период болезни, во время сна и, конечно же, в момент смерти.

Ю.С. Степанов, описывая культурный концепт *душа*, отмечает, что душа мыслится в русской культуре прежде всего как живое существо, концептуально связывается с волей. По Ю.С. Степанову, *душа* в русском языке – сущность женского рода и женского пола. Автор подчеркивает, что в русской культуре не получили развития христианские представления о "Мировой душе".

Противопоставление души и тела как "высокого" и "низкого" – константа русского языкового сознания и всей христианской культуры в целом. В китайской наивной картине мира, в отличие от русской, противопоставляется не *тело* и *душа*, а *по* и *хунь*.

И русская *душа*, и китайские 魂 "хунь" 魄 "по" являются культурными концептами, каждый из которых, по Ю.С. Степанову, "основная ячейка культуры в ментальном мире человека".

Что касается большинства выписанных нами фразеологизмов, то в них русскому компоненту *душа* соответствует компонент *сердце* 心. Как и у русских, у китайцев *сердце* считается основным местом нахождения души. Русские словари приводят около десяти фразеологизмов, в которых компоненты *душа/сердце* взаимозаменяемы: *душа (сердце) болит*, *душа (сердце) не на месте*, *душа (сердце) не камень* и т.д.

Русская *душа* и *сердце* может иметь значение 'человек': *открытая душа*, *чёрная душа*. По мнению исследователей, кроме значения 'человек', в русских фразеологизмах *душа* может иметь значения: 'одежда' (*душа нараспашку*), 'поверхность' (камень с души свалился), 'сосуд', 'вместилище' (*открытая душа*), 'объект' (*душа (сердце) не на месте*), 'живое существо' (*душа ушла в пятки*).

Когда в состав рассмотренных фразеологизмов входят названия животных, выявляется национально-культурный компонент. Значение 'трусость' передаётся в русской фразеологии посредством образа зайца (*заячья душа*), а 'беспокойство' – кошки (*на душе кошки скребут*), в китайской наивной картине мира 'трусость' связана с образом мыши (胆小如鼠 *жёлчный пузырь маленький, как у мыши*), 'беспокойство' – муравья (心乱犹如热锅上的蚂蚁 *сердечное беспокойство на сердце, как муравьи бегают на сковороде*). Характеристика плохого человека связана с образом волка и змеи: 狼心狗肺 *с волчьим сердцем и собачьими лёгкими*, 狼子野心 *волчок со зверской душой*, 佛口蛇心 *уста Будды и змеиное сердце*. Особенностью китайской наивной картины мира является то, что сердце (=душа) выступает как учитель: 师心自用 *относиться к своему сердцу, как к своему учителю*.

Остановимся на безэквивалентных русских и китайских фразеологизмах. Иностранцу не всегда легко понять, что значат фразеологизмы *русская душа*, *Святая душа*, *Христианская душа*, в которых компонент *душа* соответствует значению 'человек'.

Исследователи считают, что *русская душа* – термин, возникший как понятие религиозное. В России простой, верующий в Бога человек помимо забот о хлебе насущном нередко размышляет о своей душе как в традиционно предназначенные для этого дни (церковные, семейные и другие праздники и памятные даты), так и во время своих молитв и исповеди, либо оказавшись в экстремальной ситуации, предполагающей трудный выбор между добром и злом, корыстью и совестью и т.п. В тайны русской души трудно проникнуть иностранцам. Считается, что она не западная и не восточная. Для русского – "душа всего дороже", по мнению философов. Фразеологизм *русская душа* свидетельствует о том, что носители языка сами осознают, что они отличаются от других. Этот загадочный фразеологизм существует во многих языках как безэквивалентный.

Из христианства пришла в русскую фразеологию *юродивая душа* в значении 'жестокий, скверный человек' как противоположность *святого человека*.

В китайской фразеологии оставили свой след буддизм, конфуцианство, даосизм, как в русской – христианство. О честном, безгрешном человеке китайцы скажут 菩薩心肠 *сердце (=душа) Будды*, как русские *Христианская душа*, *божья душа* и *Святая душа*. Это свидетельство высокой оценки носителями языка двух религий. От буддизма остались фразеологизмы 心如止水 *сердце (=душа)*, как *неподвижная вода*, 心心相印 *сердца (=души)* объединяются, 明心见性 *после очищения сердца (=души) можно осознать истину человеческой природы*, к учению Конфуция восходит фразеологизм *посредством сердца у Сюэжэнь гадать ширину живота у Цзюньцзы*, который употребляется в значении 'плохо думать о хороших намерениях человека'.

Безэквивалентными являются и фразеологизмы, в которых отразилась история Китая – 司马昭之心, 路人皆知 *сердце Сыма Чжао известно всем и каждому* (соответствует русскому *секрет полишинеля*); *помыслы сердца Ян-Сан* (успех в бизнесе).

Что касается *судьбы*, то следует отметить, что русские и китайские фразеологизмы с этим компонентом не тождественны по своему содержанию, поскольку концептуально отличаются заключенным в них национально-культурным содержанием. Слово *судьба* отражает концепт, представляющий ценность для человечества в целом, то есть является константой как китайской, так и русской культур.

В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля представлена следующая словарная статья: "Судьба – стечение обстоятельств, не зависящих от воли человека, ход жизненных событий; доля, участь; история существования кого-чего-н.; будущее, то, что случится, произойдет". В обыденной русской речи *судьба* часто означает 'участь', 'жизненный путь', 'стечение обстоятельств'. В русской наивной картине мира наряду с *судьбой* концептуализируется *доля*, на что обращала внимание ещё А. Вежицкая.

В традиционных китайских представлениях *судьба* воспринимается как существо, значительно более сильное по сравнению с человеком. Буддизм принёс в Китай учение о бесконечных перерождениях, смерть представлялась не как исчезновение, а как перерождение. В буддистском учении, как и в христианском, присутствуют рай и ад. В зависимости от состава преступления и поведения человека судьи преисподней предопределяли и соответствующую судьбу для него: кем должен вновь родиться умерший – мальчиком или девочкой, красивым или некрасивым, богатым или бедным и т.д.

В китайском языке компоненту 命 "минь" соответствуют четыре значения: 'судьба', 'жизнь' и 'миссия' (приказ), 'объяснить'.

С. М. Прохорова пришла к выводу, что русская фразеология свидетельствует о том, что *судьба* воспринимается как живое существо, значительно более сильное по сравнению с человеком. Русская *судьба* может характеризоваться иронией и произволом: *ирония судьбы, на произвол судьбы*, она может играть, указывать перстом: *игра судьбы, перст судьбы*. М. Л. Ковшова, рассмотревшая концепт *судьбы* в русском фольклоре и фразеологии, отметила, что кроме того, что *судьба* может быть олицетворена, она, может быть и овеществлена, и определена как предназначенное. В китайском языке, когда "минь" 命 соответствует русский компонент *судьба*, она выступает чаще всего в виде живого существа, но может и овеществляться. В русских фразеологизмах *судьба* рассматривается и как *жребий*, что отсутствует в китайском. В китайском языке метафорическое значение "минь" 命, как и в русском, может принимать негативную окраску. Это проявилось, например, в выражениях *生死有命 и в жизни и смерти заложена судьба, 命运多舛 множество препятствий, выпадающих на судьбу, 命蹇时乖 ухабистая судьба в парадоксальное время*.

Китаец не предпринимает реальных действий, чтобы выбраться из затруднительного положения, а полагается на судьбу, которую невозможно изменить. Русский человек воспринимает судьбу как неизвестность, скрывающую угрозу и таящую множество препятствий, в сознании русского человека неизвестность приравнивается к злу, беде: *слепая судьба, удар судьбы*.

Из сопоставления русских и китайских фразеологизмов следует, что система образов, закрепленных в них, выявляет национально-культурный компонент и отображает мировоззрение народа.

Как мы можем судить по примерам, условия существования этноса вырабатывают определенный способ оценки окружающего мира, четкие критерии, которые позволяют отмечать и обнаруживать какие-либо черты, скрытые от внимания представителей других этносов. Изучение системы китайских и русских фразеологизмов дает возможность выявить своеобразие мирочувствования, мирозерцания и мировосприятия двух народов.

Сравнение русских и китайских фразеологизмов имеет как практическое значение для обучения и

перевода, так и выявляет сходные и отличительные особенности в мировоззрении двух народов.

